

несколько дней, что, в свою очередь, порой влияет на принятие решения о производстве следственного действия с использованием видеозаписи. Кроме того, необходимо учесть и тот факт, что протокол следственного действия с применением средств видеозаписи или видеоконференцсвязи, как правило, не составляется непосредственно после окончания следственного действия и подписывается всеми его участниками только после его составления.

Изменение указанных требований на законодательном уровне приведет к упрощению не только осуществления следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи, но и при производстве других следственных действий с использованием видеозаписывающих устройств.

Развитие IT-технологий коснулось не только технического развития, но и программного обеспечения к нему. Изучение информации в сети Интернет позволяет сделать вывод, что разработаны и используются программы по транскрибации (перевод речи из аудио- или видеозаписи в текст). Используя данные разработки (программы), можно достаточно быстро и качественно следователю, лицу, исполняющему поручение об оказании содействия, составить протокол проводимого следственного действия.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности технологии организации видеоконференцсвязи в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь при производстве следственных действий.

Осуществление данной технологии возможно путем закупки недостающей материально-технической базы и программного обеспечения для оборудования рабочих мест «точка-точка» (двухсторонняя видеоконференция) при соблюдении требований ведомственного нормативного правового акта, регулирующего порядок использования ведомственной сети передачи данных и глобальной компьютерной сети Интернет в Следственном комитете Республики Беларусь.

1. Шкаплеров Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предвар. расследование. 2017. № 2.

2. Допрос – по скайпу [Электронный ресурс] // СБ – Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/article/dopros-po-skaypu.html> (дата обращения: 15.10.2018).

3. Корень Т.А. Видеоконференцсвязь в экономическом суде как элемент электронного правосудия [Электронный ресурс] // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015) : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. URL: pravo.by/conf2015/files/proceeding_of_the_conference_2015.pdf (дата обращения: 15.10.2018).

О ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Российская Федерация – самая богатая и уникальная своими водными биологическими ресурсами страна. Величина сырьевой базы, потенциально доступной для отечественного рыболовства, в которую включены ресурсы в зоне национальной юрисдикции Российской Федерации, квоты в исключительных экономических зонах (ИЭЗ) зарубежных стран и ресурсы открытого моря Мирового океана, составляет в настоящее время около 7 млн т, тогда как среднесезонный вылов – 4,2 млн т (в 2017 г. – 4,8 млн т). В то же время мировой улов рыбы в последние два десятилетия стабилизировался на уровне 88–96 млн т. По объему добычи рыбы Россия в последние годы занимает 6-е место в мире после Китая, Перу, Индонезии, США и Японии.

Однако общий уровень освоения доступной сырьевой базы всех районов промысла в 2017 г. составил 59 %, в том числе в ИЭЗ России – 83 %, в ИЭЗ зарубежных стран – 63 %, в открытом море – 45 %. Причина низкого освоения сырьевой базы за пределами российской ИЭЗ в первую очередь связана с тем, что в России недостает современного крупнотоннажного флота для экспедиционного промысла. Почти 90 % рыболовных судов – физически и морально устаревшие суда, построенные по проектам 70–80-х гг. прошлого века. Обновление флота в последние годы практически остановилось.

Таким образом, нынешняя система хозяйствования может привести к сокращению рыбопромыслового флота более чем в 2 раза в 2020 г. Упадут объемы вылова водно-биологических ресурсов, и, как следствие, наступит неминуемое банкротство значительной части субъектов хозяйствования, сокращение рабочих мест, резкое снижение производственного потенциала отрасли и полный захват рынка зарубежными производителями.

Эксперты мирового рыболовства считают, что российская рыбная отрасль сегодня, как и 20 лет назад, находится на пути экстенсивного развития. На протяжении последних 25 лет системно разрушается промышленно-сырьевая база рыбной отрасли. Наиболее значимым по своим последствиям разрушением является снижение объемов общих допустимых уловов традиционных видов промысловых рыб: минтая, североатлантической и дальневосточной трески, терпуга, пикши, тихоокеанской сельди, сайры. Отечественные рыбопромышленники, наделенные ежегодными долями в общих допустимых уловах на освоение

250 видов водных биологических ресурсов, осваивают только 50 из них. При этом основные объемы добычи приходятся на 12–15 видов, которые востребованы на рынках иностранных государств.

Еще одной проблемой является избыточность в российских портах контрольно-надзорной деятельности (пограничный, таможенный, ветеринарно-санитарный, транспортный контроль), которая делает обработку судов менее конкурентной в сравнении с иностранными портами. Так, заход-выход с оформлением документов одних и тех же судов в иностранных и российских портах различается несколькими сутками не в пользу России. Поэтому рыбные порты стали переориентироваться с обслуживания рыбопромысловых судов на перевалку различных видов грузов, включая уголь, металлолом, строительные материалы, автомобили, контейнеры, и ничем не отличаются от торговых портов. Например, во Владивостоке и Находке доля рыбы в грузообороте бывших рыбных портов упала ниже 5 %.

Поэтому еще раз подчеркнем, что сохранение и обеспечение рационального использования биологических ресурсов в значительной степени зависят от антропогенного воздействия на экосистемы. В то же время анализ криминальной обстановки и многочисленные публикации указывают на рост преступлений в сфере оборота водных биоресурсов России и на значительность причиняемого экологии и государству ущерба, хотя официальная статистика свидетельствует об ином. Например, по данным Государственного информационно-аналитического центра МВД России, в 2017 г. зарегистрировано 76 преступлений экономической направленности, следствие по которым обязательно (–36 % к аналогичному периоду прошлого года), в 2016 г. – 119 (–24 %). За последние десять лет динамика преступлений в рыбной отрасли характеризуется устойчивым снижением (количество преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, снизилось в 12 раз).

Такое положение дел не следует связывать с фактическим уменьшением криминального интереса к водным биоресурсам или с пассивностью правоохранительных и контролирующих органов. Эксперты считают, что спрос рынка на рыбную продукцию, как и прежде, активизирует браконьерство. Именно спрос заставляет не только удовлетворять потребности прибрежного населения, но и формирует гипертрофированные объемы нелегального бизнеса в густонаселенных промышленных центрах.

На малую эффективность правоохранительных мер указывает то, что большинство преступлений, регистрируемых по ст. 256 УК РФ, направлены в суд по первой части (86 %), а справедливые, на наш взгляд, публикации в средствах массовой информации о том, что в отрасли действуют

организованные группы и даже преступные сообщества, не находят подтверждения в статистической отчетности органов внутренних дел. Преступлений по ст. 256 УК РФ с квалифицирующими признаками группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в течение десяти лет выявлялось всего по 0,3 % от общего числа зарегистрированных.

Такому положению способствует несовершенство норм действующего уголовного законодательства, главным образом ст. 256 УК РФ. Считаем, что данная норма должна быть самым серьезным образом переработана и в качестве уголовного наказания следует предусмотреть только промышленное браконьерство, а бытовое перевести в разряд административных правонарушений. Из проанализированных нами 600 приговоров, по которым обвинялись 750 человек в совершении преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, к реальным срокам (двум годам лишения свободы) был приговорен лишь один подсудимый в Астраханской области.

Негативно влияет на рыбную отрасль сырьевая направленность экспорта. В 2014–2016 гг. доля мороженой рыбы (5,2 млн т) составила 86,6 %, а филе – 6 %. Высокая доля отечественной мороженой рыбы вполне уместна на внутреннем рынке, задачей которого является обеспечение населения качественной и доступной рыбой. Для экспорта высокая доля мороженой рыбы допустима только в том случае, если эта рыба является конечным продуктом на потребительском рынке. Если же эта рыба перерабатывается на внешнем рынке, то она служит источником добавленной стоимости и рабочих мест, донором которых становится страна-экспортер, в данном случае Россия.

Сырьевой портрет российского рыбного экспорта формируется в основном за счет мороженого минтая, объем экспорта которого в 2014–2016 гг. составил 2,1178 млн т – 48 % общего объема мороженой рыбы. Причина такого положения кроется в том, что практически веськупаемый мороженный минтай перерабатывается и служит источником создания рабочих мест и добавленной стоимости для импортирующих его стран, из которых лидирует Китай, который получает 72,7 % поставляемого на внешний рынок российского минтая. Поэтому импортеры обеспечивают опережающий рост цены на мороженный минтай по сравнению с ценой его филе, что делает доход на одну тонну улова при производстве филе на экспорт меньшим по сравнению с таковым при экспорте мороженой рыбы.

При этом экспортеры, пользуясь пассивностью правоохранительных органов и центрального органа управления отраслью, активно используют серые схемы экспорта рыбной продукции. Например, в 2017 г. камчат-

скими предприятиями экспортировано 29 тыс. т нерки в свежемороженом виде. Основными ее покупателями традиционно стали японские предприятия, которые, судя по документам, заплатили в среднем 3 долл. США (160–170 рублей) за один килограмм свежемороженой рыбы. В то же время оптовая ее цена на отечественном рынке колебалась от 550 до 600 рублей за один килограмм, причем качеством ниже, чем экспортная рыба.

Сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, используя возможности сети Интернет, в режиме реального времени могли увидеть фактические цены на указанный товар на трех азиатских биржах, включая Токийскую, которая составляла не менее 10 долл. США за килограмм, т. е. те же 600 рублей, что и на российском рынке. Зная объемы экспорта нерки в 2017 г., нетрудно посчитать сумму, которую недополучило государство. Аналогично обстоят дела и по другим видам: за треску заплатили не более 40 % от реальной стоимости, минтай – на уровне 60 %, икра минтая – 40 %, сельдь – 50 %.

Увеличение поставок отечественной рыбной продукции на внутренний рынок достигается лишь за счет увеличения объемов вылова, но эти поставки по своим масштабам не могут компенсировать падение импорта. Надо понимать, что переориентация уловов отечественных предприятий с экспорта на внутренний рынок противоречит интересам как крупного рыбного бизнеса, который ориентирован на экспорт сырья и выступает против развития береговой инфраструктуры, так и интересам китайских, корейских и американских компаний. Например, 2 июля 2013 г. был принят Федеральный закон № 148 «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате действий экспортноориентированных компаний в его текст попал пункт, касающийся прибрежного рыболовства, благодаря которому разрешено «при прибрежном рыболовстве осуществлять перегрузку уловов водных биологических ресурсов и производство на судах рыбопромыслового флота рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов».

Напомним, что ранее в целях инициирования развития береговых заводов Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» предписывал доставку всех прибрежных уловов на российский берег. Поэтому предприниматели строили заводы, создавали рабочие места, и медленно оживали поселки вдоль морского побережья России. В результате же вышеуказанных нововведений, установленных законом № 148, рыбаки стали поставлять прибрежные уловы не на российский берег, а за рубеж. Причем не всегда с соблюдением российских законов. В результате такой

деятельности часть береговых рыбоперерабатывающих заводов просто закрылась, а часть работает на грани рентабельности. Таких примеров принятия экономически невыгодных для государства законов достаточно, например, о дрейфтерном лове, о закреплении долей по историческому принципу и закреплении нерестовых рек за одним хозяином и т. д.

Как показывает анализ складывающейся обстановки, несмотря на усилия российских властей, кардинальных изменений в развитии отечественной рыбной отрасли за последние десять лет не произошло. Отрасль, как и прежде, в инвестиционном плане не является привлекательной. В ней сильны традиции теневого бизнеса, влияние иностранных финансовых групп, рыбного лобби. Поэтому Россия, страна, входящая в десять самых богатых водными биоресурсами государств мира, в обеспечении собственного народа товарами морского промысла зависит от иностранных поставщиков, а отечественный рыбохозяйственный комплекс все еще не способен обеспечить потребности населения в товарах морского промысла.

По нашему мнению, при осуществлении комплекса мер по декриминализации рыбной отрасли следует обратить особое внимание на повышение эффективности правовых мер борьбы с преступлениями путем устранения в нормативных правовых актах лазеек для недобросовестных рыбодобывающих компаний (особенно связанных с неограниченным экспортом), ужесточить уголовную ответственность за незаконную добычу водных биоресурсов (с существенным повышением размера штрафов), а также активизировать работу по выявлению преступлений, следствие по которым обязательно, в том числе фактов нецелевого расходования бюджетных средств, выделяемых на развитие отрасли и модернизацию отраслевых предприятий.

УДК 343.1

Н.Ю. Веселов

ПРОБЛЕМЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УГОЛОВНЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Сегодня СМИ являются мощным социальным институтом, который прямо или косвенно влияет на формирование социальных ценностей, динамику общественных процессов, а также отношение населения и отдельных лиц к деятельности государственных органов в различных сферах общественных отношений. Воздействие на общественное мнение,